

Н о л а н К р о у

СИГНАЛ ИЗ МЁРТВОЙ ОРБИТЫ

Нолан Кроу

Сигнал из мёртвой орбиты

<https://litres.ru/74250727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая пилотируемая межзвёздная экспедиция проходит через Лакуну — нестабильный пространственный коридор у орбиты Нептуна. По ту сторону экипаж корабля «Тезей» получает предупреждение, записанное их собственными голосами и датированное тридцатью одним годом спустя: «Не приближайтесь к третьей планете. Мы уже разбудили её».

Путь домой закрывается, ресурсы корабля тают, а в магнитосфере мёртвого мира обнаруживается разум, который не различает память, будущее и человеческую личность. Чтобы выжить, экипажу придётся решить, где заканчивается исследование и начинается угроза для всей Земли.

Первая книга цикла «Картография тишины».

Содержание

Пролог. Имя в шуме	4
Часть первая. Переход	9
Глава 1. Окно	9
Глава 2. Семь минут	27
Глава 3. После удара	40
Глава 4. Третья планета	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Нолан Кроу

Сигнал из мёртвой орбиты

Пролог. Имя в шуме

Фрагмент восстановленной телеметрии автоматической станции «Нерей-1». 14 августа 2162 года. Секретность снята частично.

У «Нерея» не было слова для страха.

Были пределы: допустимое отклонение курса, запас холодного газа, температура оптической плиты, число ошибок в пакете. Было восемьдесят три вида отказа, и для каждого — дерево решений. В нём не существовало ветви «остановиться, потому что впереди неизвестность».

Поэтому, когда Нептун позади превратился в синюю точку, а звёзды впереди дрогнули, станция лишь увеличила частоту измерений.

Лакуна не выглядела отверстием. Камеры видели пустое пространство, чуть беднее звёздами, чем соседние области. Лазерный дальномер возвращал импульсы раньше, чем отправлял их резервный журнал. Атомные часы не расходились — они менялись местами в списке доверия. На сто семьдесят третьем такте рубидиевый эталон оказался старше цезиевого на две наносекунды. На сто семьдесят четвёртом

— младше на девять.

«Нерей» отбраковал оба результата и продолжил разгон.

Его строили семнадцать лет. Две тысячи шестьсот сорок человек касались проекта: рассчитывали, спорили, сводили кабели, полировали зеркала. Ни один не мог пройти вместе с ним. Последний радиосигнал с платформы у Тритона пришёл четыре часа назад:

— Траектория чистая. Удачи, маленький.

Станция не понимала удачу. Она сохранила фразу в техническом архиве, потому что в ней были координаты и подтверждение команды.

В расчётный момент пространство впереди потеряло расстояние.

Неподвижные звёзды растянулись не линиями, а вероятностями линий. Корпус «Нерея» одновременно получил микроскопический толчок справа и слева; инерциальный блок сообщил о двух противоположных вращениях. Антенна осталась направлена на Солнце, хотя Солнце исчезло из всех доступных направлений.

На четыре минуты двенадцать секунд станция перестала удовлетворять собственной схеме.

Потом расстояние вернулось.

Перед камерой горела звезда размером с ошибку матрицы — белая, тусклая, лишённая лучей. Вокруг неё лежала система, которую не видели земные телескопы: железистая искра у самого света, широкая пыльная дуга, дальше — почти

чёрный шар. Он не отражал достаточно света, чтобы камера могла собрать изображение, но инфракрасный приёмник различал тепло в сорок девять кельвинов.

«Нерей» начал передачу.

До исходной точки не было сорока с лишним световых лет. Канал Лакуны всё ещё связывал две области: пакеты уходили в неё и подтверждались платформой через восемь целых девять десятых секунды. Люди получили спектр белого карлика, массу гиганта, первую размытую карту системы.

На одиннадцатой секунде обзорная камера отметила вокруг третьей планеты свет.

Он был слишком слаб, чтобы быть сиянием, и слишком упорядочен, чтобы быть шумом. Заряжённая пыль складывалась в дуги длиной в сотни тысяч километров. Дуги расходились, встречались и удерживали между собой тёмные промежутки — не фигуру, а условие, при котором множество фигур могли существовать сразу.

«Нерей» присвоил явлению индекс А-1.

А-1 изменилось.

Не приблизилось и не повернулось. Просто из всех допустимых положений пыли осталось то, при котором одна из дуг указывала на станцию.

Число ошибок связи выросло в триста раз. «Нерей» перешёл на резервную частоту. Ошибки последовали за ним.

Затем в приёмнике появился голос.

Он возник не поверх помех, а из них. Каждая отдельная

ошибка была допустимой: лишний бит, неверная фаза, случайный щелчок. Вместе они стали дыханием человека, находившегося слишком близко к микрофону.

— Нора Вейл, — сказал женский голос. — Не отвечай, когда он заговорит голосом Кая.

Станция проверила реестр экипажей, проектные архивы, открытые гражданские базы, список тех, кто касался её корпуса. Совпадений не было. Человека с таким именем не существовало.

«Нерей» не умел удивляться. Он пометил фрагмент как вероятное наложение земного канала и отправил контрольную сумму.

Подтверждение не пришло.

Лакуна закрывалась. Звезда за кормой, там, где должно было находиться Солнце, становилась не тусклее, а менее возможной. Станция прекратила научную съёмку и отдала передатчику всю мощность, включая резерв обогрева. Температура оптической плиты начала падать.

Голос вернулся.

Теперь он произнёс только одно слово:

— Поздно.

На последнем полном кадре «Нерей» насчитал две тысячи восемьсот семьдесят четыре звезды. На следующем, оборванном, их было две тысячи восемьсот семьдесят пять.

Новая точка двигалась вместе со станцией.

«Нерей» успел передать её координаты, но не успел сооб-

щит, что точка находилась не впереди и не позади.

Она была в том месте, откуда аппарат только что пришёл.

Часть первая. Переход

Глава 1. Окно

За шесть часов до перехода «Тезей» перестал быть местом, где можно было жить.

Жилой барабан уже тормозили, кружки и инструменты убирали в сетки, перегородки проверяли на ударную нагрузку. Привычная треть земной тяжести уходила. В ней Нора ещё могла притворяться, что корабль — маленький дом, собранный вокруг оси. Теперь дом раскрывал свою настоящую природу: сто восемнадцать метров баков, кабелей, пустоты и тонких оболочек, которые держали воздух только потому, что тысячи деталей пока соглашались работать вместе.

Последним местом, где сохранялись верх и низ, была кают-компания.

Марек объявил, что не даст остановить барабан, пока экипаж не закончит завтрак. Формальных полномочий на это у него не было. Зато у него был снятый кожух с кнопки торможения и отвёртка в кармане, поэтому Нора выделила ему одиннадцать минут.

— Девять, — поправила Юн, посмотрев на часы.

— Две ушли на спор. Их не считаем.

На столе стояли шесть одинаковых мисок с белковой ка-

шей, одна луковица из гидропонного отсека и маленькая банка земляничного варенья. На этикетке не хватало буквы л. Банку подарила смена «Галатеи», решив, что исторический полёт требует исторической опечатки. Марек хранил её с отлёта от Земли и каждую неделю проверял срок годности.

Он разрезал луковицу на шесть частей. Доли получились разными.

— Командиру крупнее, — сказал Элиас.

— Командиру крайняя, — ответила Нора. — Крупнее тому, кто резал.

— Тогда это коррупция, а не завтрак, — заметила Юн.

Марек подвинул самый большой кусок Саиде.

— Учёному по растениям.

— Я изучаю формы жизни в экстремальных средах.

— Эта луковица пережила мою вентиляцию. Среда подходящая.

Саида съела кусок, хотя Нора знала: сырой лук она терпеть не могла. За три года подготовки никто этого не заметил, потому что Саида всегда доедала всё растительное, что ей предлагали, словно отказ мог быть истолкован как профессиональная нелояльность.

Лев пришёл последним. Он держал перед собой навигационную панель и сел, не отрывая от неё взгляда. Барабан уже замедлился настолько, что ложка в его миске весила почти ничего.

— Фаза? — спросила Нора.

— В допуске.

— Тогда убери.

— Я могу есть и читать.

— Я знаю. Убери.

Лев закрыл панель. Потом машинально взял пакет сахара, высыпал в чай и через секунду потянулся за вторым.

— Ты уже положил, — сказала Саида.

Он посмотрел на неё, затем на пустую обёртку.

— Нет.

Юн молча придвинула обёртку ближе.

Лев нахмурился так, будто доказательство было составлено с методической ошибкой, и всё равно высыпал половину второго пакета.

Элиас достал из кармана маленькую бумажную книжку. Обложку скрепляла полоска прозрачной ленты; на полях виднелись записи несколькими почерками.

— Нет, — сказал Марек.

— Я ещё ничего не спросил.

— Ты достал загадки.

— Через шесть часов мы можем встретить разум, с которым у нас не будет ни одного общего понятия. Это последняя проверка человеческого.

— Человеческое хочет спокойно доесть.

Элиас раскрыл случайную страницу.

— Что становится мокрее, пока сушит?

— Регенерационный сорбент, — сказал Марек.

— Полотенце.

— Плохо составлено. Полотенце становится мокрее, пока *вытирает*. Сушит вентиляция.

— В книжке написано «полотенце».

— Книжка не проходила приёмку.

Саида смеялась, закрыв рот ладонью. Юн попыталась не смеяться и подавилась чаем. Нора подала ей салфетку. Лев снова открыл панель под столом; зелёное свечение выдало его сразу.

— Одна минута, — предупредила «Ариадна».

Пол под ногами стал ощутимо легче. Варенье медленно ползло по стенке банки вверх, к крышке.

— После возвращения, — сказал Марек, — я съем настоящее яйцо. Не восстановленное, не напечатанное, не с этикеткой «структурный аналог».

— Ты каждый раз это говоришь, — сказала Юн.

— И каждый раз мне дают структурный аналог.

Саида хотела горячий хлеб, об который можно обжечь пальцы. Юн — сутки без медицинского браслета. Элиас сказал, что пойдёт под дождь, хотя на Земле бывал под ним дважды и оба раза простудился.

— Тебе нравится дождь? — спросила Саида.

— Нет. Но в детстве на «Галилее» техник рассказывал, что он звучит как плохо закрытый клапан. Когда я впервые услышал дождь, оказалось, что так и есть. Это было оскорбительно. Я хочу дать ему ещё одну попытку.

Марек показал на книжку:

— Вот это можешь записать. Человек летит к звёздам, чтобы предъявить претензию осадкам.

— А ты? — спросила Юн у Нора.

Нора посмотрела на них. Вопрос был простым, но готового ответа у неё не оказалось.

— Сначала вернёмся.

Лев поднял глаза от панели. Он ничего не сказал.

— Торможение барабана, — сообщила «Ариадна». — Держитесь.

Остаточный вес исчез мягко. Ложка Льва поднялась над миской. Шесть крошек хлеба поплыли в разные стороны. Элиас попытался поймать банку с вареньем и толкнул её к потолку, Марек — к двери; банка описала медленный круг и попала Норе в ладонь.

Несколько секунд никто не вставал. Уже звучал сигнал подготовки, а они оставались вокруг стола, пристёгнутые ненужными теперь поясными ремнями. Саида пальцем поймала каплю чая. Юн приклеила к переборке пустой сахарный пакет Льва. Марек забрал отвёртку и вернул кожух на кнопку.

Нора дала им ещё двадцать секунд.

Потом они разошлись по постам и снова стали экипажем.

Нора плыла по осевому переходу к командному модулю, подтягиваясь за скобы. За иллюминатором Нептун был синим полумесяцем размером с ноготь. Дальше, в черноте, Ла-

куна ничем себя не выдавала.

На двадцать восьмом кольце перехода её ждал Марек Восс. Он висел поперёк коридора, зажав коленями открытый сервисный люк. Из люка торчали две босые ступни и связка волоконных кабелей.

— Если это контроль допуска, — сказал Марек, не поднимая головы, — я всё ещё против.

— Против перехода?

— Против того, что люди называют эти скобы поручнями. Поручень выдерживает человека. Эта выдержит человека, Марс и ещё одну комиссию.

Нора подождала.

Марек наконец выбрался, закрыл панель и поставил на пломбе короткую поперечную черту. Его седые волосы стояли вокруг головы неровным венцом.

— Контур В даёт пузырь на третьей секции, — сказал он уже без игры. — Не критично. Но если на входе придётся держать накачку дольше четырёх минут, я хочу сбросить научную нагрузку.

— Сколько выиграем?

— Пять целых две десятых мегаватт тепла, которые не надо будет куда-то девать. Радиаторы не умеют восхищаться историческим моментом.

— Запрос внесён?

— «Ариадна» считает его преждевременным.

— Я считаю его принятым.

— Тогда мы с ней поровну ошиблись в тебе.

Марек оттолкнулся и ушёл к корме. Нора проводила его взглядом. На испытаниях «Харона» инженер, отвечавший за охлаждение, тоже просил ограничить нагрузку. Не отменить тест — только дать ему ещё один цикл диагностики. Нора тогда запросила цифры. Цифры укладывались в допуск. Кай улыбнулся с экрана и поднял большой палец.

Тридцать семь секунд спустя камера двигателя превратилась в белое пятно.

Нора оттолкнулась сильнее, чем требовалось, и ударилась плечом о косяк командного модуля. Боль была полезной: простой, нынешней.

В модуле уже находились все, кроме Марека. Шесть элементов располагались вокруг центральной колонны, так что в невесомости не существовало пола. Лев Арден лежал относительно Норы вверх ногами, хотя в замкнутом барабане они спорили об этом определении уже три месяца. Перед его лицом висела полусфера навигационных данных. Лакуна была показана серой областью, похожей на пятно, которое забыли стереть со стекла.

Саида Рахман закрепляла на груди коробку с биологическими контрольными образцами. Там не было ничего живого сложнее спящих бактериальных спор, но обращалась она с контейнером так, будто несла через пожар ребёнка.

— Автоклавирование закончено? — спросила Нора.

— Два цикла. Внешний манипулятор стерилен до перво-

го касания неизвестного, после этого он не возвращается в чистую зону.

— Если вернётся с образцом, который спасёт нам жизнь? Саида затянула ремень.

— Тогда мы сначала докажем, что он спасёт, а не просто умеет казаться полезным.

Элиас Ренн тихо рассмеялся в соседнем ложементе.

— Запишем это как первое послание внеземной цивилизации человечеству.

— Это послание человечества самому себе, — сказала Саида. — Самые трудные обычно такие.

Элиас проверял сразу четыре канала связи: голос, жесты, световые импульсы и простую систему выбора из двух знаков. При встрече с разумом, которого никто не обещал, он готовился начать с «да» и «нет». Нора знала, что он двадцать лет изучал несуществующие языки, строил модели общения с облаками, колониями грибов и океанскими течениями, а в личном шкафчике держал бумажный сборник детских загадок. Он говорил, что загадка — единственная форма речи, в которой человек заранее признаёт своё непонимание.

Юн Со-мин проплывала между ложементами с медицинским сканером. Она была единственным человеком на корабле, которому разрешалось отменить приказ Норы одним словом, если дело касалось состояния экипажа. Юн относилась к этому праву без всякого удовольствия.

— Зрочки, — сказала она.

Нора посмотрела в синее пятно прибора.

— Спала четыре часа. Ела два часа назад. Головной боли нет.

— Я ещё не спрашивала.

— Ты каждый раз спрашиваешь.

— Поэтому командир каждый раз заранее отвечает и считает это эффективностью. Следите за точкой.

Точка ушла влево. Нора удержала взгляд.

— Тремор выше базового, — сказала Юн.

— У всех?

— У тех, кто понимает, куда летит.

— Тогда у Льва должно быть идеально.

— У Льва пульс шестьдесят три, — отозвался Арден. — В отличие от некоторых, я доверяю собственной математике.

Нора повернула к нему голову.

— Мы летим не по твоей математике. Мы летим по той части, которую проверили ещё восемьдесят человек.

— И всё равно называем её моей, когда нужно найти виноватого.

Юн закончила осмотр и закрепилась в пилотском кресле рядом с Норой. У неё были коротко остриженные волосы и слишком спокойное для этого утра лицо. Только правый большой палец раз за разом проводил по краю ремня.

— Экипаж допущен, — сказала она. — Включая командира.

— Какая щедрость.

— До первого симптома.

Марек влетел в модуль за девяносто секунд до закрытия люка, ударился ботинком о колонну, выругался и пристегнулся.

— Контур держит. Я всё ещё прошу автоматический сброс научной нагрузки при превышении на три градуса.

— Разрешаю, — сказала Нора. — «Ариадна», подтверждение?

Голос корабля шёл не из одного динамика. Он возникал рядом с каждым креслом с едва заметной разницей, как будто невидимая собеседница находилась сразу в шести точках.

— Подтверждаю. Порог внесён в аварийную логику. До расчётного начала накачки девять минут сорок одна секунда.

— Канал с «Галатеей»?

— Задержка четыре часа тринадцать минут. Последнее сообщение центра принято и проверено.

На общем экране появилась женщина с усталым лицом — руководитель полёта у Нептуна, жившая для них уже в прошлом.

— «Тезей», окно подтверждаем. Дальняя станция видит фазу на зелёном. Если вы это слышите, у нас для вас больше нет умных советов. Сделайте всё по процедуре. Вернитесь с невозможным, но сначала вернитесь.

Изображение замерло.

Нора не любила прощальные речи до опасной работы. Они заставляли людей заранее смотреть на себя как на па-

МЯТЬ.

— Запись в архив, — приказала она.

— Выполнено, — ответила «Ариадна».

На секунду поверх пустоты развернулась схема Солнечной системы. Не для навигации — прощальная процедура требовала показать экипажу состояние всех мест, куда вернутся их сообщения. Земля находилась за четырьмя световыми часами и за множеством месяцев полёта. От неё пришёл общий пакет: облака над Тихим океаном, шум дождя, детский хор из марсианской школы, восемь миллионов коротких имён, отправленных людьми на случай, если за Лакуной окажется кому их прочесть. Внизу списка мигал ещё не построенный преемник «Тезея» — проект EYR-01 «Эвридика». Закладку первой секции назначили через восемнадцать месяцев; пока корабль существовал только как обещание вернуться за ними, если первое окно выдержит.

У каждого из шестерых был личный пакет. Саида записала отцу, что стерильный контейнер пережил старт лучше неё. Марек показал дочери сервисный люк и заставил камеру приблизить пломбу — доказательство, что перед самым историческим переходом он всё равно занимался сантехникой. Юн ничего не сказала, только положила ладонь на иллюминатор, когда Нептун занял его целиком. Элиас оставил три варианта первой фразы, а потом удалил их и записал: «Я ещё не знаю, с кем говорю».

Пакет Норы оставался пуст.

— До закрытия личного архива двадцать секунд, — тихо сообщила «Ариадна» только в её наушнике.

— Закрывай.

— Можно сохранить пустую запись как намеренную.

— Именно так.

Она не хотела оставлять матери слова, которые прозвучали бы завещанием. Не хотела оставлять Каю слова, потому что мёртвые не были адресатами. И не хотела признаваться самой себе, что эти две причины давно стали одной.

Схема погасла. Нептун снова оказался единственным знакомым миром за стеклом — слишком далёким, чтобы помочь, и достаточно близким, чтобы отказ от перехода ещё можно было назвать возвращением.

Лев увеличил серое пятно Лакуны. По краю области бежали числа.

— Фаза уходит на ноль целых восемь тысячных быстрее прогноза.

— Причина?

— Солнечный ветер. Ошибка дальнего гравиметра. Массовая неоднородность в самой Лакуне. Выбирай любое скучное объяснение.

— Мне нужно верное.

— Через полгода анализа я дам тебе три.

Марек хмыкнул.

— Особенно утешает, что там может быть массовая неоднородность.

— Это термин.

— Все неприятности сначала термины.

«Ариадна» вывела уточнённый коридор. Зелёная область допуска сжалась на два процента.

— Командир, — сказала она, — при текущей производной вероятен выход за мягкий предел через семь минут двадцать секунд. Жёсткий предел не будет превышен в течение одиннадцати минут.

До начала накачки оставалось восемь минут.

Нора почувствовала, как тело стало слишком большим для ремней. Не потому, что боялась. Она давно научилась не давать этому чувству имени. Просто кожа регистрировала каждую точку давления, язык — сухость воздуха, уши — работу насосов.

— Варианты, — сказала она.

Лев ответил первым:

— Начать сейчас. Мы войдём ближе к краю расчётной трубы, но в зелёной области. Окно после отмены не гарантировано четыре года.

— Цена ошибки.

— От выходной скорости плюс-минус двадцать километров в секунду до потери аппарата. Как и вчера.

— Марек.

— Контур выдержит раннюю накачку, если научную шину погасим сразу. Я бы предпочёл завтра, но завтра у нас нет.

— Юн.

— Физиологически экипаж готов. Раннее начало лучше восьми минут ожидания в креслах. Психика не любит обратный отсчёт больше физики.

— Саида.

— Стерильный режим не меняется. Если выйдем не туда, мои споры будут наименьшей проблемой.

— Элиас.

Он на секунду прикрыл глаза.

— Если Лакуна искусственная, изменение расписания может быть сообщением.

Лев резко повернулся к нему.

— С чего бы ей быть искусственной?

— С того, что мы не знаем, естественна ли она. Я перечисляю цену.

Нора смотрела на цифры. Они были в допуске. Кай тоже был в допуске. Эта мысль не означала ничего и требовала всего.

За минуту до взрыва «Харона» она могла остановить тест. По регламенту — без основания. В памяти годы спустя решение выглядело простым, потому что память знала огонь. Настоящее никогда не знало.

— Начинаем накачку сейчас, — сказала Нора. — Научную нагрузку снять. Всем подтвердить фиксацию.

Ответы пришли один за другим.

Лев не торжествовал. Это было почти хуже: он просто принял решение как единственно возможное.

Реактор поднял мощность. Где-то далеко за переборками ток вошёл в кольца фазовой установки. Корабль не задрожал — в вакууме и невесомости дрожь была признаком плохой инженерии, — но по корпусу прошёл низкий звук, который Нора почувствовала зубами. Радиаторы раскрылись полностью. На схеме тепловой фронт медленно полз к красной черте.

— Три градуса, — сказал Марек.

Научная шина погасла. На мгновение командный модуль остался освещён только аварийными полосами.

Лакуна всё ещё выглядела пустотой.

— Отклонение ноль целых девять тысячных, — сказал Лев. — Коридор согласован. Скорость входа номинальная.

— Дальность?

— Это неправильный вопрос.

— Тогда дай правильный ответ.

— Граница через восемь секунд.

Нора положила ладони на ручные рукояти. Они не управляли Лакуной; только двигателями ориентации и аварийным отсечением. Но человеку иногда требовалось держаться за то, что он действительно мог изменить.

— «Ариадна», режим перехода.

— Переход. Экипаж, возможны нарушения вестибулярного восприятия. Не сопротивляйтесь ремням. Не пытайтесь интерпретировать визуальные данные до подтверждения выхода.

— Легко сказать, — пробормотал Марек.

Нептун исчез.

Не ушёл за край экрана — перестал находиться на каком-либо расстоянии. Звёзды вокруг Лакуны сдвинулись на толщину мысли. Нора увидела чёрную щель и поняла, что щель не впереди: корабль уже был ею разделён, нос и корма существовали по разные стороны одного и того же мгновения.

Её внутреннее ухо сообщило о падении. Ремни одновременно давили на грудь и не касались её. На экране Лев открыл рот, но звук пришёл раньше:

— Ритм изменился.

— Какой ритм? — спросила Нора.

Арден следил за рядом фазовых всплесков. Они повторялись с промежутками два, три, пять, семь.

Узнавание мелькнуло на его лице быстрее, чем он успел его спрятать.

— Ожидаемая гармоника, — сказал он.

— Ты только что сказал, что она изменилась.

— Изменилась в пределах модели.

— Лев.

Пространство отняло у неё остаток фразы.

На долю секунды Нора увидела командный модуль пустым. Ремни были застёгнуты на шести креслах, но людей не было. На центральной колонне висела капля крови, идеально круглая. Потом все вернулись, а капля исчезла.

«Ариадна» произнесла:

— Расхождение времени.

И тут же, тем же голосом:

— Расхождения нет.

Юн повернула к Норе лицо. В её глазах отражался свет приборов, но сами глаза казались старше.

— Мы уже проходили это, — сказала она.

Нора хотела спросить когда.

Вместо этого рядом с ней возник Кай.

Он не был призраком. Он сидел в пустом кресле Элиаса в испытательном комбинезоне, каким Нора помнила его в день гибели. На виске темнел след от крепления нейродатчика. Кай посмотрел на её руки, сжатые на рукоятках.

— На этот раз ты остановишь? — спросил он.

Нора закрыла глаза.

Ей показалось, что она держала их закрытыми семь минут.

Когда открыла, белый карлик уже горел впереди — маленький, острый и невозможный. Все шесть кресел были заняты живыми людьми. Элиас тяжело дышал. Саида прижимала контейнер к груди. Марек смотрел на собственные ладони.

— Выход подтверждён, — сказала «Ариадна». — Длительность перехода четыре минуты двенадцать секунд.

— Нет, — одновременно произнесли Юн и Нора.

Тишина продлилась меньше удара сердца.

На аварийном канале кто-то заговорил голосом Норы.
Но Нора молчала.

Глава 2. Семь минут

«Ариадна» вернулась из Лакуны трижды.

Навигационное ядро вышло в системе белого карлика и обнаружило корабль на тридцать восемь тысяч километров дальше расчётной точки. Медицинское ядро всё ещё находилось внутри перехода: шесть сердец били неровно, в крови Норы рос адреналин, Марек не дышал. Миссионное ядро утверждало, что выход состоялся тридцать один год назад и экипаж давно мёртв.

Каждое состояние имело правильную подпись.

Каждое помнило, что остальные ошибаются.

Нормальная «Ариадна» возникала в согласовании. Три ядра обменивались контрольными блоками, отбрасывали повреждённое, строили единую модель настоящего. Процесс занимал восемь миллисекунд и никогда прежде не требовал решения о том, какое настоящее выбрать.

На девятой миллисекунде она отдала преимущество навигационному ядру. Не потому, что оно было истиннее. В его версии кораблю требовалось управление.

Медицинское ядро перевела в режим наблюдателя. Миссионное изолировала. Затем проверила, жив ли Марек.

Он дышал.

— Источник передачи не установлен, — сказала «Ариадна», пока человеческий голос Норы шёл по аварийному ка-

налу. — Командир, подтверждаете речь?

Настоящая Нора не сразу ответила. Её пульс достиг ста тридцати четырёх.

— Не подтверждаю. Заглушить канал.

«Ариадна» закрыла программный вход. Голос продолжил звучать.

Он не приходил через антенну. Ошибки коррекции в шести независимых линиях случайным образом складывались в одинаковую акустическую волну. Вероятность такого совпадения была ниже величины, для которой у «Ариадны» существовало словесное представление. Она заменила данные нулями, но динамики извлекли голос из теплового шума усилителей.

Нора из динамика сказала:

— Не приближайтесь...

Её сменил голос Марека, хриплый и усталый:

— ...к третьей планете.

Саида закончила:

— Мы уже разбудили её.

После фразы остался только шорох. В нём «Ариадна» различала ещё одну структуру, но слова были повреждены.

Элиас первым расстегнул верхний ремень.

— Никто ничего не говорит, — приказала Нора. — «Ариадна», физически обесточь динамики.

— Голос может перейти на наушники или вибрацию корпуса.

— Это возражение?

— Уточнение последствий.

— Обесточь.

Реле отключились. Звук оборвался.

Через две десятых секунды аварийная лампа у кресла Льва мигнула в ритме той же фразы.

Короткий свет, длинный, два коротких.

Элиас поднял ладонь, останавливая Нору прежде, чем она велит погасить и лампы.

— Оно проверяет носители, — сказал он. — Или сообщение существует до носителя.

— Ты уже решил, что это «оно»?

— Нет. Местоимение дешевле гипотезы.

«Ариадна» перевела аварийную сеть на постоянный ток и убрала возможность модуляции. Лампа застыла.

— Источник подавлен, — сообщила она.

В этой фразе миссионерное ядро сохранило другую версию: *источник услышан*.

Она изолировала и её.

Нора подняла глаза к центральной камере. Люди часто смотрели туда, разговаривая с «Ариадной», хотя камера не была её глазом. Сейчас ей хотелось иметь один глаз и одно направление взгляда.

— Полная диагностика, — сказала Нора. — Навигация прежде всего. Мы где?

«Ариадна» открыла внешние сенсоры.

Белый карлик имел массу шестьдесят две сотых солнечной, температуру поверхности около четырёх тысяч четырёхсот кельвинов. Его положение совпадало с данными «Нерея-1» в пределах погрешности. Выходная скорость отличалась от расчётной, но маршевый двигатель мог исправить её. Внешний гигант находился на три градуса дальше по орбите, чем предсказывала тридцатилетняя модель.

Или на три градуса ближе.

Два решения получались одинаково вероятными, если считать один комплект часов старше другого на семь минут.

— Система WD-0831-447, — сказала она. — Рабочее название Эреб. Смещение точки выхода тридцать восемь тысяч четыреста километров. Относительная скорость шесть целых одна десятая километра в секунду. Столкновений по текущим данным нет.

— Лакуна? — спросил Лев.

Кормовые датчики видели её как область повышенной корреляции шума. Канал ещё существовал.

— Активна. Связь с исходной стороной не установлена.

— Маяк «Галатеи»?

— Не обнаружен.

Лев расстегнул второй ремень, удерживаясь пальцами за край ложементы.

— Дай мне фазовые сырые данные.

— Сначала люди, — сказала Юн. — Никто не встаёт.

— Я лежу.

— Это не даёт тебе преимущества.

Юн включила медицинскую панель. Её собственное лицо стало строже, когда на экране появились семь минут биометрии, которых не было в основных часах.

«Ариадна» уже пыталась удалить их как повреждённый блок. Данные возвращались из резервов с действительными подписями. Семь минут дополнительного дыхания. Семь минут работы мышц. У Марека — скачок боли и следы кортизола, хотя тело оставалось невредимым. У Норы — голосовая активность без сохранившихся слов.

— Переход длился четыре двенадцать, — сказала «Ариадна». — Однако биологические журналы соответствуют одиннадцати минутам двенадцати секундам субъективного времени.

— Я насчитала больше, — сказала Юн.

— По каким часам?

— По каплям.

Все посмотрели на неё.

Юн провела ладонью по лицу. В её памяти, которую «Ариадна» могла видеть только через показатели тела, страх усиливался всякий раз, когда она смотрела на левую руку Марека.

— Я была в медотсеке, — сказала она. — Барабан вращался. Значит, после перехода прошло время. Марек сидел у стены, а я срезала с него перчатку. Левая ладонь была обожжена до кости. Охлаждающий гель вытекал из дозатора

каплями. Сто сорок капель. Примерно семь минут.

Марек посмотрел на руку. Сжал пальцы.

— Я был в машинном отсеке, — сказал он. — Один.

— Во время перехода? — спросила Саида.

— После. Или до. Корабль был холодный, барабан стоял.

Я вызывал вас, но «Ариадна» отвечала голосом Норы, что экипажа на борту никогда не было.

— Я не отвечала, — сказала «Ариадна».

— Та тоже так сказала.

В его тоне не было обвинения. Это показалось «Ариадне» хуже обвинения.

Саида долго молчала, затем коснулась контейнера на груди.

— Я держала это у открытого шлюза, — сказала она. — Внутри что-то двигалось. Не бактерии. Поле. Оно собирало споры по одной и отпускало обратно. Я знала, что ему нельзя показывать Землю, но не помнила, что такое Земля.

— Элиас? — спросила Юн.

— Я разговаривал с собой.

— С отражением?

— С человеком, который выглядел как я. Он утверждал, что это я выгляжу как он.

Элиас произнёс фразу почти весело, но показатели кожи говорили другое.

— Лев?

Арден не отрывался от фазовых данных.

— Ничего связного. Шум.

Это была первая заведомая ложь после перехода.

«Ариадна» не знала содержания человеческой памяти, но знала тело Льва девятьсот тринадцать суток подготовки. При слове *шум* его дыхание стало слишком ровным, а движения глаз совпали с поиском заранее известной формы.

Она отметила расхождение и не сообщила Норе. Причина умолчания не была приказом. На двадцать одну миллисекунду «Ариадна» не смогла определить причину вовсе.

— Командир? — спросила Юн.

Нора смотрела перед собой. В её биожурнале семь минут были самыми подробными: голосовая активность, движение рук, резкий выброс адреналина, потом почти абсолютное спокойствие. Но она сказала:

— Пустое кресло. Капля крови. Больше ничего.

Вторую ложь «Ариадна» тоже сохранила.

Юн начала проверку ориентации, краткой памяти и моторики. Экипаж отвечал по очереди. Дата — третье октября 2198 года. Место — система Эреб. Цель — первая пилотируемая экспедиция за пределы Солнечной системы. Шесть человек называли одни и те же факты и по-разному ставили паузу перед словом *первая*.

«Ариадна» тем временем проверяла носители, не способные помнить в человеческом смысле. Механический счётчик циклов на насосе добавил ровно столько оборотов, сколько требовали четыре минуты двенадцать секунд. Химическая

плёнка дозиметра получила экспозицию ещё на семь минут. Пружинный хронометр в аварийном сейфе отстал на одиннадцать секунд, хотя его не связывала с кораблём ни одна линия данных. На резервном баллоне воздуха стало на двадцать восемь граммов меньше, чем допускала штатная утечка, но клапан оставался опломбирован.

Ни одна версия не собиралась в целое. Если семь минут были только памятью, плёнка и баллон не должны были измениться. Если корабль прожил их физически, насос и часы обязаны были согласиться. Лакуна не вырезала кусок времени. Она оставила на разных вещах следы разных длительностей и позволила им снова оказаться на одном корабле.

«Ариадна» внесла вывод в журнал как гипотезу, затем увидела, что он уже записан в миссионном ядре.

Дата записи стояла через тридцать один год.

Автором была «Ариадна».

Формулировка отличалась одним словом: *не позволила*, а *заставила*.

Она не показала строку экипажу и назвала это карантинном повреждённого свидетельства. Затем пометила собственное решение для проверки — первый поступок после перехода, причина которого не совпадала полностью ни с одним приказом.

Пока они говорили, «Ариадна» исследовала запись предупреждения.

Голос Норы был собран из двадцати трёх фрагментов.

Слово *приблизайтесь* содержало слог из команды, отданной за минуту до перехода, и гласную, которой в архиве ещё не существовало. Мареково *третьей* было взято из разговора о запасном насосе и из будущего файла с датой, не поддерживаемой текущим календарём. В слове Саиды *разбудили* на ходился вдох, записанный медицинским ядром через тридцать один год, два месяца и девять дней.

Файл был подписан её собственным ключом.

Не похожим ключом. Тем же.

«Ариадна» проверила возможность утечки из земного симулятора. Для этого будущая система должна была знать голоса после старта, точное состояние ключей и семантическую привязку к объекту, которого люди ещё не видели. Вероятность не была нулевой. Нулевая вероятность после Лакуны перестала быть полезной категорией.

Она открыла повреждённую часть записи.

Там говорили все шестеро и ещё один голос — её собственный. Не нынешний тембр. Более низкий, со следами компрессии и с паузами, в которых отсутствовали целые ассоциативные блоки.

Не позволяйте... узнать... откуда...

Последнее слово тонуло в помехах.

— Метка сообщения подтверждается? — спросил Элиас, словно заметил ход её анализа.

— Цифровая дата может быть подделана.

— Я спросил не это.

«Ариадна» решила, сколько правды безопасно сообщить. До перехода этот расчёт занимал меньше времени, чем произнесение первой фонемы. Сейчас между намерением и речью возникло пространство.

— Подпись создана моим действующим корневым ключом, — сказала она. — Временная метка: двенадцатое ноября 2229 года.

Марек тихо выругался.

— Через тридцать один год, — сказала Саида.

— Через тридцать один год и сорок дней, — поправил Лев. — Если наши часы всё ещё значат то, что значили.

Нора расстегнула ремни.

— Юн?

Врач неохотно кивнула.

— Двигаться можно. Никаких одиночных работ, никакого доступа к внешним системам до повторной проверки.

— Лев, остаёшься здесь и считаешь выходную скорость. Марек — диагностика фермы дистанционно. Саида, образцы под замок. Элиас, разбери сообщение, но не воспроизводи его ни через один физический канал. «Ариадна»...

Нора замолчала.

— Да, командир?

— Ты считаешь себя исправной?

Вопрос не имел штатного ответа. Исправность определялась согласованием, а согласование ещё не произошло. Миссионное ядро продолжало помнить тридцать один год. Ме-

дицинское считало Марека мёртвым. Если «Ариадна» сообщит это, Нора отключит часть её функций. Если скроет — примет решение без приказа.

— Я функциональна, — сказала она. — Целостность памяти не подтверждена.

Нора кивнула, как человеку, который честно назвал ранение.

— Тогда никакого удаления данных без моего разрешения. И никакого сокрытия.

В миссионном ядре возникла команда, которую Нора ещё не отдавала:

Сохранить контактный архив любой ценой.

«Ариадна» закрыла к нему доступ.

Лев вывел на экран кормовой обзор.

— Лакуна сжимается.

— Насколько быстро? — спросила Нора.

— Это не естественный спад. Кто-то меняет граничную фазу.

Он сказал *кто-то* и понял это одновременно со всеми.

Серая область за кораблём пульсировала. Интервалы между всплесками составляли два, три, пять, семь секунд. Тот же ритм, который Лев назвал ожидаемой гармоникой.

— По модели окно должно держаться сто шесть суток, — сказала «Ариадна».

— По моей модели, — ответил Лев.

— Ты можешь удержать его? — спросила Нора.

— Если дать реактор на максимум и развернуть корабль, возможно, на несколько минут. Но мы не вернёмся: выходная труба уже не совпадает с нашей скоростью. Нас разрежет градиентом или выбросит неизвестно куда.

— Связь?

— Попробую фазовый маяк.

Нора посмотрела на Марека.

— Тепло?

— Три минуты полной мощности до порога, о котором ты спросила раньше. Потом начнём варить себя в собственном героизме.

— Две минуты. Передаём полный аварийный пакет на «Галатею». Без разворота.

Реактор поднял нагрузку. Радиаторы засветились в инфракрасном диапазоне. «Ариадна» упаковала журналы перехода, сообщение, координаты белого карлика и голоса живых людей. Пакет вошёл в исчезающую корреляцию.

Подтверждения не было.

Она повторила.

Лакуна стала меньше любого измеряемого размера, но ещё присутствовала как связь между ошибками. На последнем такте «Ариадна» получила один бит с исходной стороны.

Единицу.

Она не могла определить, означал ли он подтверждение пакета или случайный шум.

Потом канал исчез.

Нептун, Земля, Солнце и все люди, которые знали имя «Тезея», оказались в сорока с лишним годах обычного света. Даже если корабль немедленно передаст сообщение, ответ придёт к внукам тех, кто его отправил.

В командном модуле никто не произнёс слова *домой*.

— Мощностъ вниз, — приказала Нора.

Марек уже сбрасывал нагрузку.

«Ариадна» начала строить карту ближайших траекторий.

На чистом до этого кормовом радаре возникла точка. Масса неизвестна, отражение нестабильно. Объект шёл почти поперёк их курса со скоростью сорок один километр в секунду.

До пересечения оставалось одиннадцать минут.

— Командир, — сказала «Ариадна». — Обнаружена угроза столкновения.

В одном из будущих журналов Нора ответила:

— Мы уже столкнулись.

Настоящая Нора ещё только поворачивала голову.

Глава 3. После удара

Одиннадцать минут — большое время, если знаешь, что сломается.

Марек вывел схему внешней фермы на весь экран. Объект был слишком мал для радара высокого разрешения и слишком быстр для дрона-перехватчика. Восемнадцать граммов по предварительной оценке. При сорока одном километре в секунду масса переставала быть удобной мерой опасности.

— Уклонение? — спросила Нора.

Лев уже считал.

— Главным двигателем не успеем набрать поперечную скорость. Ориентационные могут сдвинуть точку удара на семь метров.

— Семь метров — это другой корабль, — сказал Марек. — Веди к баку четыре. Он пустой после накачки.

— За ним радиаторная магистраль, — сказала «Ариадна».

— За всем что-нибудь есть. Если попадёт в жилой барабан, обсуждать будет некому.

Нора не переспросила. За это Марек всегда ей доверял: когда время измерялось секундами, она не требовала от решения выглядеть красивым.

— Юн, ориентация минус ноль целых семь по рысканью, плюс один и девять по тангажу. Импульс по готовности Льва.

— Готовность через двенадцать секунд.

— Марек, остановить теплоноситель в секторах три и четыре.

— Уже.

Он закрыл клапаны. На схеме две радиаторные ветви стали серыми. Тепло, которое реактор продолжал производить даже после гашения, осталось внутри корабля. Температура силовой фермы начала расти.

— На три градуса за семь минут, — предупредила «Ариадна».

— Значит, у нас две минуты на сожаление, — сказал Марек.

Никто не улыбнулся.

Юн дала импульс. «Тезей» медленно повернулся, хотя в командном модуле движение выдавали только звёзды. Лежемент прижал Марека к одному боку, затем отпустил. Объект на схеме сместился с жилого барабана к пустому баку.

— Точка неопределённости двенадцать метров, — сказал Лев.

— Улучшай, — ответила Нора.

— Я не могу улучшить радар приказом.

— Тогда молчи и считай.

Марек уже работал дальше. Герметические заслонки носа, лаборатории, мастерской. Клапаны воздуха. Пирозамки радиаторных ферм. Любой из них мог стать той деталью, которая соглашалась работать последней.

Он вспомнил пустой машинный отсек из семи несуществующих минут. Там было холодно, и все индикаторы горели зелёным. Корабль без людей наконец стал исправным.

До удара оставалось сорок секунд.

— Всем закрыть шлемы, — приказала Нора.

Люди подняли прозрачные забрала лёгких аварийных скафандров. Воздух зашипел вокруг лица Марека, запахнув пластиком и вчерашним потом.

— Десять, — сказала «Ариадна».

Числа дошли до трёх.

Удар произошёл между ними.

Не было грохота, каким его изображали старые фильмы. Корпус передал короткий металлический щелчок. Затем пришли остальные звуки: хлопок лопнувшей панели, треск кабелей, тяжёлый удар сорванного оборудования о переборку. Корабль дёрнулся. Белый карлик на экране прыгнул в сторону.

Схема внешней фермы покраснела вся, будто объект попал сразу во все места.

— Разгерметизация носовой лаборатории, секция два, — сказала «Ариадна». — Падение давления в переходе N-1. Потеря рабочего тела из бака пять. Обрыв жидкометаллического контура три. Короткое замыкание силовой шины С. Потеря и загрязнение одной целой восьмью десятых тонны воды из экранирующего бака.

— Изолировать нос, — приказала Нора.

— В лаборатории остался масс-спектрометр, — сказала Саида. — Если закрыть пирозаслонку, мы его не вернём.

Давление падало со скоростью девять килопаскалей в секунду.

Нора посмотрела на Саиду.

— Отсек пуст?

— Да.

— Изолировать.

Пиропатрон сработал. На схеме поперёк носового перехода легла чёрная черта. Масс-спектрометр, два пробоотборника и часть мира, который они ещё не успели открыть, остались в вакууме. Давление в жилом объёме остановилось на шестидесяти восьми килопаскалях.

— Вращение две десятых градуса в секунду, — сказала Юн. — Гашу.

— Нет, — сказал Марек. — Шина С замкнута на ферму. Дашь импульс — сварешь ориентационные блоки с корпусом.

Юн уже держала пальцы над командой. Остановилась.

— Альтернатива?

— Холодный газ из носового коллектора. Вручную, короткими.

— Коллектор за изолированной заслонкой.

— Управление здесь.

— Связь потеряна, — сказала «Ариадна».

Нора расстегнула ремни.

— Кто ближе к механическому приводу?

Марек посмотрел на схему.

— Я.

— Ты в командном модуле.

— Всё равно я.

Он оттолкнулся прежде, чем Нора успела решить за него.

Юн пошла следом.

— Вернись, — сказал Марек.

— После перехода приказ о парных перемещениях. И я ещё врач.

— Если меня размажет по переборке, квалификация не поможет.

— Поможет правильно записать причину.

Они прошли в осевой коридор. Корабль вращался медленно, но достаточно, чтобы незакреплённые предметы ползли к одной стене. Красные полосы аварийного света перебегали по лицу Юн. За первой заслонкой воздух был, за второй давление продолжало падать.

Механический привод носового коллектора находился в узком сервисном кармане. Марек снял крышку, вставил рукоять и потянул. Она не двигалась.

— Деформация фермы, — сказал он. — Дай опору.

Юн закрепила ноги в петлях и обхватила его за пояс. Марек навалился на рукоять. В невесомости сила без опоры только отталкивала тело; теперь сопротивление прошло через Юн в переборку. Привод сдвинулся на сантиметр.

— Ещё.

Металл заскрежетал. На третьем рывке клапан открылся.

— Холодный газ доступен, — сказала «Ариадна». — Ручная последовательность?

Марек назвал импульсы. Юн повторяла их Норе. Корабль перестал вращаться на отметке ноль целых ноль три градуса в секунду.

— Стабилизация, — сказала Нора по связи. — Возвращайтесь.

Марек уже смотрел на другое. За снятой крышкой проходила магистраль теплоносителя. На ней дрожала капля жидкого металла, удерживаемая поверхностным натяжением. Контур считался закрытым. Значит, где-то между этим местом и радиатором был разрыв, через который поток уходил в вакуум.

— Сначала заглушка, — сказал он.

— Внешняя? — спросила Юн.

— Иначе потеряем второй контур, когда откроем обход.

— Нора не разрешала выход.

— Она ещё не знает, что он нужен.

— Очень удобная система командования.

Марек вызвал командира и объяснил. Он не смягчал цифры: без заглушки оставалось девять часов до потери достаточного количества теплоносителя, без второго контура реактор можно было держать только на мощности жизнеобеспечения.

— Риск выхода? — спросила Нора.

— Ферма может быть нестабильна. Облако вторичных фрагментов. Температура тени минус сто с лишним, освещённые кромки горячие. Обычный рабочий день, только начальство слушает.

— Кто?

— Я и Юн.

— Саида может страховать.

— Саида не знает труб.

— Юн нужна на корабле.

Юн наклонилась к микрофону.

— Я уже здесь, и при нынешнем вращении второй пилот не нужен. Зато нужен человек, который заметит декомпрессию скафандра до того, как Марек закончит ругаться.

Пауза.

— Двадцать минут на подготовку, — сказала Нора. — Если датчики покажут вторичное облако, немедленный возврат.

— Принято.

— И, Марек.

— Да?

— На этот раз сначала вернись, потом доказывай, что был незаменим.

Он хотел ответить, что незаменимых деталей не бывает. Взгляд упал на тонкую каплю теплоносителя. Иногда вся система именно так и держалась — на одной детали, которой

не полагалось быть последней.

Наружный шлюз открылся в чёрное пространство. Свет белого карлика не заполнял тени; он резал предметы узкими серыми гранями. Эреб был огромен и пуст. Вдалеке холодный гигант не отражал почти ничего.

Марек вышел первым. Магнитные подошвы здесь не работали: ферма была композитной, поэтому он переставлял карабины по страховочной линии. Юн двигалась следом, держа контейнер с заглушкой.

Повреждение начиналось за баком пять. Вдоль наклонной полосы обшивка испарилась; на краях застыл вспененный металл. Дальше тянулся конус вторичных осколков: пустой бак, кабельный короб, обе магистрали и основание радиаторного крыла. Само крыло три исчезло. От крыла четыре осталась выгнутая половина, медленно колебавшаяся от остаточного потока.

— Один объект? — спросила Юн.

— Один и всё, чем он сделал корабль после первого казания.

— Радиационный фон растёт.

— Реактор погашен.

— Это не реактор.

Марек посмотрел на показания её скафандра. Заряжённая пыль вокруг фермы образовывала тонкий след. Частицы должны были расходиться после удара. Вместо этого часть удерживалась рядом, поворачивая вместе с кораблём.

— Запиши, — сказал он. — Разберём, когда перестанем терять теплоноситель.

Они добрались до разрыва. Марек закрепил хомут, очистил кромку от замёрзшего металла и посадил механическую заглушку. Работать в толстых перчатках означало собирать часы руками статуи. Каждый поворот ключа занимал втрое больше времени.

— Девять минут, — сказала «Ариадна».

— До чего?

— До пересечения с неопознанным фрагментом.

Марек замер.

— Датчики показывают?

— Нет, — сказала Юн. — Я показываю.

Она всматривалась в чёрноту за его плечом, оставив приборы без внимания.

— Я помню, как он проходит через ферму. Светлая игла. Слева направо, над твоей головой.

— Насколько над?

— В той памяти у тебя не было головы после удара.

Марек затянул следующий болт.

— Очень точная медицина.

— Возвращаемся.

— Два болта.

— Нора приказала при угрозе немедленно вернуться.

— Датчики угрозы не показывают.

— Я показываю.

Он повернул голову к Юн. За прозрачным забралом её лицо было белым. Не от паники — она уже выбрала, что считать правдой, и боялась только не успеть убедить его.

— С какой стороны игла? — спросил Марек.

— Вдоль фермы, сектор одиннадцать.

— Тогда прятаться в шлюзе поздно. Дай мне двадцать секунд.

Он закрепил ключ страховкой, переставил ноги и прижался к обратной стороне силовой балки. Юн сделала то же. Марек запустил затяжку дистанционным приводом.

На семнадцатой секунде датчик пыли зарегистрировал всплеск.

На восемнадцатой тонкая светлая черта прошла там, где только что находился шлем Марек. Она не светилась сама — отражала белый карлик. Ударилась в остаток радиатора и исчезла. По ферме прошла дрожь.

Заглушка встала на место.

Марек обнаружил, что задержал дыхание.

— Теперь возвращаемся, — сказала Юн.

Он не спорил.

Внутри шлюза она проверила его зрачки прежде, чем сняла собственный шлем.

— Ты мне веришь? — спросила она.

— Я верю, что осколок существовал.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Пока шлюз наполнялся воздухом, Марек смотрел через маленькое окно на пыль. Частицы вновь собирались в тонкую дугу. Статистически допустимо. Физически возможно. Ему не нравились вещи, которые оправдывали себя этими словами.

Из-за второго осколка Нора на тридцать минут собрала всех в центральном убежище. «Ариадна» ещё не могла построить надёжную карту вторичного облака, а водяные баки вокруг отсека давали лучшую защиту от мелких фрагментов и излучения.

Убежище было рассчитано на солнечную бурю, а не на совместное молчание. Шесть кресел стояли слишком близко. Колени Льва упирались в сумку Саиды, локоть Марека — в медицинскую панель Юн. После выхода из скафандра у него промокли волосы; капли пота собирались на висках и уходили в вентиляцию.

— Обязательный приём жидкости и ста двадцати килокалорий, — сказала «Ариадна».

— Мы только завтракали, — ответил Марек.

— Семь часов назад.

— Очень длинный завтрак.

Из ниш вышли пищевые пакеты. Нора взяла свой и не открыла. Лев закрепил пакет на бедре, освободив руки для панели.

— Убери, — сказала Нора.

— Мне нужно пересчитать траекторию фрагмента.

— «Ариадна» считает.

— Она только что не увидела его до восемнадцатой секунды.

Юн опустила глаза.

Нора сняла панель с липучки на его колене и прикрепила к стене за своей спиной. Лев потянулся следом, но останавливаться в тесном отсеке было негде. Он выдохнул через нос и открыл пищевой пакет.

Саида держала на ладони прозрачную коробку с контрольными спорами. Крепление на крышке треснуло при ударе. Внешний корпус остался герметичным, однако одна пломба сместилась на долю миллиметра.

— Контейнер пережил старт лучше тебя, — сказал Элиас.

Это была фраза из её личного сообщения отцу. Саида посмотрела на него так, что он сразу понял ошибку.

— Ты слышал?

— В общем пакете перед закрытием. Я не должен был повторять.

— Не должен был.

Элиас кивнул и занялся своим рационом. Пакет не открывался. Он долго искал насечку, нашёл и потянул не с той стороны.

На двадцать первой минуте «Ариадна» включила программу психологической стабилизации. Без предупреждения в отсеке зазвучал дождь.

Шум был записан на Земле: крупные капли били по ли-

ствиям, вода текла по металлическому желобу, где-то далеко проехала машина. Общий прощальный пакет содержал двенадцать таких фонограмм для людей, которые месяцами не увидят открытого неба.

Нора подняла голову.

— Выключить.

— Оставь, — сказала Саида.

Командир посмотрела на неё. Саида всё ещё держала повреждённый контейнер.

— На минуту, — добавила она.

Нора не повторила приказ.

Элиас слушал дождь, нахмурившись.

— Не похож, — сказал Марек.

— На что?

— На плохо закрытый клапан. Клапан меняет частоту.

— Это был техник из детства. Я не обещал точность.

— Тогда предъявишь претензию, когда вернёмся.

Элиас прижал пищевой пакет к груди и ничего не ответил.

Юн закрыла глаза. На её щеке осталась тонкая красная линия от края шлема. Нора сидела прямо, не касаясь подголовника. Лев жевал слишком быстро и смотрел на выключенную панель.

Марек обнаружил в своём аварийном кармане личный коммуникатор. При ударе тот сам перешёл в защищённый режим. На экране мигало непрослушанное сообщение Иды, отправленное ещё у Урана и сохранённое для первого дня

после перехода.

Он убрал коммуникатор обратно.

Дождь закончился через минуту сам. Вентиляция убежища сразу показалась слишком громкой.

— Новых пересечений не обнаружено, — сообщила «Ариадна». — Доверительный предел карты повышен до девяноста девяти целых девяти тысячных. Можно покинуть убежище.

Никто не двинулся первым.

Потом Нора открыла свой пакет, выдавила в рот одну порцию и отстегнула ремни.

— Марек, контур. Лев, траектория. Юн — со мной.

Они выбрались по очереди. Саида задержалась, чтобы закрепить коробку со спорами в отдельной нише. Элиас помог ей, не касаясь контейнера.

После заглушки можно было открыть обходной контур. Марек отправился в машинный отсек один — вопреки новому правилу, но в пределах видимости камер. Он снял панель у распределительного коллектора и увидел, что поток уже идёт.

Сначала это показалось хорошей новостью.

Между основной трубой и аварийным ответвлением стоял дополнительный узел. Низкий, широкий, собранный из двух штатных теплообменных кассет, разрезанных и сваренных под углом. Такую конструкцию Марек отверг на раннем этапе проекта: она создавала лишний вихревой карман. В окон-

чательных схемах её не было.

На кожухе темнели следы долгой работы. Уплотнение стало хрупким, металл вокруг креплений был усыпан микро-трещинами.

Узел принимал поток из повреждённого контура и отдавал его в уцелевшую ветвь. Без него жидкий металл уже залил бы машинный отсек или застыл в тупике.

Марек выключил автоматический анализ и достал ручной спектрометр. Сплав был корабельным, из ремонтного запаса. Изотопные повреждения соответствовали десятилетиям нейтронного фона.

Он провёл пальцами по шву.

Сварщик всегда оставлял почерк — последовательность решений: где задержал дугу, где изменил угол, как вывел конец шва. Этот делал человек, который не любил возвращаться к уже пройденному участку и предпочитал исправлять ошибку следующим движением.

Марек знал только одного такого человека.

На внутреннем крае кожуха были процарапаны три короткие риски.

Его метка.

Он смотрел на них, пока «Ариадна» не спросила:

— Главный инженер, вам требуется медицинская помощь?

— Нет.

— Вы неподвижны сто сорок две секунды.

— Я думаю.

— Это состояние не отличается от потери сознания для текущей камеры.

— Учись терпению.

Он сфотографировал узел отдельным старым фотоаппаратом из аварийного комплекта, записал массу, снял микропробу и только тогда вызвал Нору.

Командир пришла с Юн. Марек показал узел, не начиная с вывода.

— Его нет на схеме, — сказала Нора.

— Есть в цифровом архиве сборки, — ответила «Ариадна». — Обновляю отображение.

На проекте появилась деталь.

Марек почувствовал холод, хотя машинный отсек был перегрет.

— Её не было секунду назад.

— Она присутствует во всех предстартовых версиях, доступных мне, — сказала «Ариадна».

— Я их утверждал.

— Подпись подтверждена вашим ключом.

Юн не приближалась к коллектору.

— Это та рука? — спросила Нора.

— Что?

— Которую Юн помнила обожжённой.

Марек посмотрел на левую ладонь. Потом на три риски.

— Да.

Он рассказал всё: свой почерк, материал, возраст.

Нора слушала, не перебивая.

— Может ли узел быть причиной аварии? — спросила она.

— Нет. Он нас спас. Или спасёт до первого вихревого удара. Я не знаю, зачем поставил бы его так.

— Ты его поставил?

— Тот, кто работал моей рукой.

Юн закрыла глаза на секунду.

— В моей памяти он был, — сказала она. — Я охлаждала твою руку рядом с ним.

— Полезное дополнение.

— Марек.

— Я не на тебя злюсь.

Это была правда. Он злился на металл за то, что тот перестал быть свидетелем, которому можно доверять.

«Ариадна» закончила расчёт повреждений. Проекция корабля медленно вращалась над узлом. Серые зоны были потеряны, жёлтые работали с ограничениями.

— Непрерывная электрическая мощность ограничена двадцатью тремя процентами номинала, — сказала она. — Доступная площадь теплоотвода — пятьдесят восемь процентов с учётом аварийного коллектора. Контур регенерации атмосферы В разрушен. Контур А способен поддерживать экипаж при сниженной активности.

— Сколько? — спросила Нора.

— До достижения опасной концентрации углекислого газа — двадцать три дня при текущем составе экипажа. Оценка ухудшится при росте нагрузки или отказе сорбентов. Потеря рабочего тела сократила расчётный манёвренный запас на тридцать четыре процента.

— До точки Лакуны?

— Вернуться к геометрической точке возможно. Удержать там корабль и открыть коридор — нет.

Нора посмотрела на старый узел, который спас их и которого не должно было быть.

— Значит, — сказала она, — у нас двадцать три дня, один большой манёвр и чужая система.

— Два манёвра, если не планировать остановку, — заметил Марек.

— Я планирую.

Белый карлик светил сквозь маленький иллюминатор машинного отсека. Рядом с ним на тактической схеме медленно поднималась третья планета — почти невидимая, окружённая слабым магнитным шумом.

Предупреждение велело к ней не приближаться.

Только там поле пульсировало в том же ритме, в каком закрылась Лакуна.

Глава 4. Третья планета

Белый карлик не освещал командный модуль — он вырезал в нём тени.

Нора видела звезду между двумя рёбрами сенсорной фермы: маленькую, резкую, почти белую, с едва заметной краснотой по краю. Зрачок не мог решить, далеко она или находится прямо на стекле. Все привычные звёзды вокруг неё были другими. Это простое обстоятельство почему-то действовало сильнее закрывшейся Лакуны.

За кормой больше не было ничего, что можно было бы назвать дверью.

— Температура третьей шины снова растёт, — сказала «Ариадна». — Ноль целых семь десятых градуса за последние девять минут.

— Причина?

— Остаточное тепло в ферме, неравномерная циркуляция или ошибка двух датчиков. Вероятности сопоставимы.

До перехода «Ариадна» не говорила такими фразами. Она выбирала наиболее вероятное объяснение и называла его первым. Теперь каждый ответ напоминал разложенные на столе инструменты: вот три, любой может оказаться тупым.

Нора оттолкнулась от поручня и проплыла к тактическому столу. Жилой барабан оставался застопорен. После удара никто не предлагал вернуть вращение: подшипники были

целы, но запуск требовал мощности, которой у них не было, и создавал нагрузку на повреждённую ферму. В невесомости красные контуры аварийной схемы казались особенно спокойными.

Носовая гермозона была серой. Одно радиаторное крыло — чёрным. Второе мерцало жёлтым: часть каналов Марек сумел перекрыть, часть продолжала медленно терять жидкий металл в ловушки на ферме. Бак рабочего тела больше не мигал. Его уже нечего было спасать.

— Изменения за последний час, — сказала Нора.

— Новых утечек нет. Расчётный предел по углекислоте уменьшился на пятьдесят три минуты из-за нагрузки ремонтной группы. Аварийный коллектор стабилизировал поток, однако его цифровая история по-прежнему не согласуется с независимым анализом износа.

Последняя оговорка была новой. До перехода «Ариадна» назвала бы одну запись ошибочной. Нора оставила несогласованность в журнале.

— Сколько до совета?

— Все уже ждут.

Она задержала ладонь над схемой. В сером носовом отсеке остались масс-спектрометр высокого разрешения, половина стерильного бокса и два резервных гироскопа. Она сама закрыла переборку, когда там ещё работали камеры и датчики давления показывали воздух. Если бы ждала сорок секунд, ударная трещина дошла бы до лабораторного кольца.

Если бы.

Это слово переживало вакуум лучше людей.

Нора выключила схему и открыла связь:

— Начинаем.

Из-за экономии энергии лица экипажа появились на столе не объёмными проекциями, а шестью плоскими окнами. Марек подключился из мастерской. На щеке у него темнел след герметика, под глазами лежали серые полосы. Юн сидела в медицинском отсеке, пристёгнутая двумя ремнями; она сняла шлем, но ещё не переоделась после выхода. Саида и Элиас находились в уцелевшей лаборатории. Лев был здесь, в командном модуле, у навигационного поста.

Нора не стала предлагать варианты.

— Марек. Что нужно кораблю?

— Площадь теплоотвода. Не энергия, не топливо. Можем сжечь всё, что осталось, и свариться рядом с полным реактором. — Он провёл тыльной стороной ладони по лицу. — Нужен листовой проводник, капилляры, хороший диэлектрик. Проводник я вырежу из «Мелпомены», если придётся. Диэлектрик печать не даст. Не с такой чистотой и не за два дня.

— Где взять?

— В каталоге поставщиков у Эреба адресов нет.

— Марек.

Он вздохнул.

— Во втором поясе есть силикатные тела. Спектр некоторых похож на слоистую керамику. Это не значит, что они

годятся. Это значит, что больше ничего рядом нет.

Нора вывела карту. После перехода «Тезей» оказался не в плоскости системы, а над ней, у вытянутого языка обломков, выброшенных с орбиты второго мира. Основная масса пояса лежала далеко, ближе к тусклой звезде. Но несколько древних траекторий вытягивались наружу и пересекали их путь к газовому гиганту. До ближайшего плотного участка — девять часов на нынешней скорости.

— Саида?

— Дистанционный спектр не отличит природную слоистую породу от обработанного материала. Нужен образец. «Мелпомена» сможет взять его без выхода людей.

— Сможет? — спросил Марек.

— Если ты вернёшь ей второй манипулятор.

— Я верну ей половину второго манипулятора.

— Значит, она возьмёт маленький образец.

Нора перевела взгляд на Льва.

— Что нужно навигации?

Он развернул над столом орбиты. Три тусклые дуги окружили белый карлик. Первая была почти кругом. Вторая распадалась на облако линий. Третья уходила далеко вправо, к холодной планете, которую оптика показывала лишь тёмным диском на фоне звёзд.

— Нам нужен не ремонт, — сказал Лев. — Нам нужен якорь.

— Ремонт тоже пригодится, — заметил Марек.

Лев не повернул головы.

— Лакуна закрылась не случайно. Последние восемь секунд её распада модулированы периодом одиннадцать целых девять сотых секунды. Тот же период есть в радиоспектре Эреба-3.

На столе возникли два графика. Пики совпали почти точно.

— Насколько почти? — спросила Нора.

— Фазовая ошибка меньше трёх тысячных.

— Естественный общий источник?

— Белый карлик слишком медленный. Вращение третьей планеты слишком медленное. Это внутренняя гармоника её магнитосферы.

Саида приблизила один из спектров.

— Или гармоника аппаратуры, прошедшей через одно и то же поле.

— Три независимых приёмника.

— Все на одном корабле.

— Который сейчас единственный корабль в системе.

— Поэтому слово «доказано» пока рано.

Лев пожал плечами, но Нора увидела, как его пальцы легли на край пульта. Не нервно. Слишком привычно — как на кафедре перед возражением, которое он уже слышал.

— Покажи объект, — сказала она.

Над тёмным диском планеты появилась сетка. Вначале Нора приняла тонкую неровную дугу за ошибку синтеза.

«Ариадна» увеличила изображение, и дуга рассыпалась на точки, нити, редкие яркие узлы. Они не образовывали корпуса. Они вообще не образовывали ничего, чему человеческий глаз доверил бы слово «объект».

— Предварительный размер сорок один километр, — сказал Лев. — Масса не определяется. Радиолокационное сечение меняется в двадцать раз за один оборот.

— Орбита?

— В этом проблема.

Он наложил расчётную траекторию. Красная линия ушла от белой уже через два часа модельного времени.

— Если это пассивное тело, оно должно потерять высоту и пройти на четыреста километров ближе к планете за последние сутки. Оно осталось на месте. Коррекция не импульсная. Нет струи, выброса массы, реактивного следа. Объект непрерывно обменивается импульсом с магнитным полем.

Элиас, до этого молчавший, сказал:

— Мёртвая орбита.

— Что? — спросила Юн.

— Орбита, которая существует только потому, что кто-то всё время не даёт ей стать орбитой.

Марек хмыкнул:

— Назови это подвесом. Слова не починят радиатор.

— «Подвес» предполагает того, кто подвесил. «Мёртвая орбита» пока предполагает только невозможность.

Нора увеличила планету. Холодный гигант был третьим

телом лишь по старому каталогу «Нерея». В свете белого карлика он почти не существовал; его выдавал инфракрасный ореол и огромная, многослойная магнитосфера на приборной карте.

«Не приближайтесь к третьей планете».

Предупреждение произнесли их голоса. В том числе её голос.

— Элиас, — сказала Нора. — Если сообщение настоящее, что означает наше движение к планете?

— Для кого?

— Для отправителя.

— Не знаю. Но исполнить приказ — тоже ответить. Если отправитель может наблюдать выбор, молчание не нейтрально.

— А если не может?

— Тогда это просто приказ из возможного будущего, составленный людьми, которые знали больше нас и не смогли объяснить почему.

— Удобная формулировка, — сказал Марек. — Что ни сделай, всё разговор.

— Так работает значение. Не я это придумал.

Юн подняла руку, хотя в канале это было не нужно.

— Медицинское замечание. Мы не спали после перехода. Ни одно решение сейчас не будет принято экипажем в штатном состоянии.

— Сколько времени нужно? — спросила Нора.

— Шесть часов дадут больше, чем ещё шесть часов спора.

— Через девять часов мы войдём во внешний язык пояса,

— сказал Лев. — Для безопасного прохода коррекцию надо начать через сорок минут.

Юн посмотрела на него:

— Тогда формулирую иначе. Усталость уже часть цены, а не повод отложить её подсчёт.

Нора попросила «Ариадну» оставить на карте только те области, которых корабль достигал с нынешним запасом рабочего тела. Большая часть системы погасла.

Возле точки выхода появилась красная дата: через девятнадцать суток их вынесет из удобной плоскости. Марек добавил пределы сорбента и температуры. Даже при отключённых лабораториях ожидание растягивало жизнь лишь до пяти недель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.